МОИ ЗАПИСКИ

во время поѣздки

вЪ

РОСТОВЪ

1804 года.

Тверь,
вЪ Типографіи Путей Сообщенія.
1814 года.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ Публику представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюля 24 дня, 1814 года. Книгу сію читалъ Ординарный Профессоръ Никифоръ Черепановъ.

ДРАЖАЙШИМЪ МОИМЪ

РОДИТЕЛЯМЪ.

2 *Іюня* 1804 *года, дорогою изъ Москвы.*

Я распалась съ вами, любезные мои родители! Расталась и не надолго; но все чрезвычайно грустно, чрезвычайно тяжело моему сердцу быть съ вами розно.

Я собиралась прежде съ удовольствіемъ.—Пускаясь въ предпринятой мною путь на поклоненіе Святымъ Угодникамъ и посѣщеніе священныхъ обителей Троицкихъ и Ростовскихъ, я думала: какъ

будетъ пріятно, какъ весело наслаждаться въ семъ пути созерцаніемъ красотъ Природы, и утѣшительными прогулками въ миломъ товариществѣ!

Но какъ насталъ день отъѣзда и мнѣ должно было вамъ сказать простите, когда въ послѣдній разъ облобызала я ваши ручки; то сердце мое дало знать, какъ тяжела разлука съ вѣми, отъ кого получила бытіе! Я чувствовала грусть неизъяснимую; грусть, которая раздирала мое сердце! — Ничто не могло душевную мою тоску разсѣять. Даже и мысль, что я разстанусь съ вами не надолго, что я разстанусь съ вами дней на десять, не болѣе! Ѣду съ друзьями вашими, Ѣду съ моею любезною и милою бла-

годѣтельницею; но—все тяжела мнѣ разлука съ вами, и ничто не можетъ мнѣ замѣнить родителей ласковыхъ, милыхъ моихъ!

Въ сихъ размышленіяхъ я не видала, какъ пріѣхали къ заставѣ— гдѣ насъ записали, и мы отправились въ свой путь.

Выѣхавши за заставу я въ послѣдній разъ взглянула на Москву, взглянула, и—невольной вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей, сердечная слеза навернулась на глазахъ моихъ! Я обтерла ее бѣлымъ платкомъ моимъ и сказала прости—прости тихо еще разъ повторила я, прости бѣлокаменная Москва, ты теперь заключаешь въ себѣ все то, что есть для меня наидрагоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ.

Веселой нашъ извощикъ распѣвалъ заунывныя свои пѣсенки и погонялъ лошадей, которыя закинувъ волнистыя гривы свои, бѣжали рысцою по гладкой, ровной дорогѣ.

Перемѣна видовъ столь сильно дѣйствуетъ надъ сердцемъ моимъ, что я не имѣю словъ изъяснить вамъ чувствуемаго мною восхищенія.—Увидѣвъ зеленеющіяся рощи, разноцвѣтные луга, всю красоту природы, во всей ея прелестной простотѣ,—думала я: какое городское гулянье можетъ равняться съ этимъ лугомъ?— Какой *булеваръ* можетъ равняться съ этою кудрявою рощею? Все здѣсь плѣняетъ, все прельщаетъ глаза мои, и какое-то восхитительное, неизъяснимое чувство наполняютъ мою душу!— До-

рога прекрасная! Погода ясная, свѣтлая, тихая, и—мы катимъ съ сердцемъ исполненнымъ желанія побывать у Святыхъ мѣстъ.

Едва мы выѣхали за заставу, какъ и очутились въ Алексѣевскомъ, прекрасномъ первомъ селеніи по выѣздѣ изъ Москвы. Я не стану описывать вамъ всѣ попадающіяся намъ деревни. Онѣ уже нѣсколько разъ описаны нашими примѣчательными путешественниками, гораздо лучше меня умѣющими цѣнить всѣ встрѣчающіеся предметы.

Теперь противъ воли должна я оставить свой карандашъ: чрезвычайно трясетъ. Несносный жаръ палитъ насъ, и сѣрая пыль крутится въ верхъ столбомъ.

Простите до Пушкина, тутъ должны мы ночевать, простите, будьте здоровы, веселы, спокойны.

Пушкино, 3 Іюня, утро.

Едва солнце взошло на горизонтѣ, какъ я была разбужена свирѣлью пастуха. Онъ наигрывалъ чувствительныя и пріятныя пѣсенки, которыя привели меня въ величайшую задумчивость. Я мыслила объ нашей милой сторонушкѣ, объ нашей тихой, деревенской, простой жизни, но спокойной. Скажите, съ чѣмъ можетъ сравняться спокойствіе? Съ какимъ веселіемъ, съ какимъ разсѣяннымъ удовольствіемъ, сравнять можно жизнь деревенскую, тихую уединенную?

Ежели хочешь наслаждаться истинно жизнію; то должно жить въ

деревнѣ. Въ деревнѣ только, только въ уединеніи, человѣкъ можетъ созерцать Природу! познавать Творца вселенныя и чувствовать свое бытіе! !

Щастіе не въ огромныхъ палатахъ обитаетъ; не тамъ, гдѣ блеститъ золото, серебро и множество богатства.—Тамъ часто скука обитаетъ; тамъ часто, очень часто, грусть, печали сердце раздираютъ. *Чрезъ кучи золота, тамъ слезы часто льютъ.*—Нѣтъ, не тутъ намъ надобно искать щастія, не въ шумныхъ веселіяхъ, не въ разсѣянной скучной жизни; а вотъ въ этихъ низкихъ хижинахъ, подъ этими мирными кровлями обитаетъ оно. Здѣсь должно научаться благодарить Всевышняго Зиждителя за все Имъ низпосылае-

мое. Земледѣлецъ, утружденной дневною работою, возвращается въ свою хижинку — тутъ встрѣчаетъ его мирное семейство, и онъ съ улыбкою на лицѣ отираетъ потъ свой, будучи доволенъ, что онъ трудился для блага общества. Принимается за черной хлѣбъ, утоляетъ жажду чистою водою и - благодаритъ Бога, что имѣетъ еще и эту пищу...!!

Но полно объ этомъ говорить, время дорого, надобно мнѣ что нибудь - сказать вамъ о самомъ селеніи.

Года два тому назадъ, какъ Пушкино выгорѣло.- Однакожъ теперь мнѣ кажется оно какъ будто лучше выстроилось.— Я не знаю, отъ

собственнаго ли моего расположенія, или отъ настоящихъ прекрасныхъ видовъ его; но только здѣсь сельская жизнь представлялась мнѣ самою плѣнительною.—Надобно быть здѣсь, въ это самое время, на моемъ мѣстѣ, чтобъ довольно налюбоваться утренними сельскими упражненіями; а особливо, какъ пастушокъ при наступленіи времяни къ выгону стада, подойдетъ къ каждому двору и проиграетъ на рожкѣ затѣйливыя свои пѣсенки. —Услышавъ это хозяйки тотчасъ начнутъ суетиться и торопиться выпускать тучныя стада свои на бархатную мураву. — Сколько тутъ въ одно мгновеніе представится разнообразныхъ картинъ, въ одной только сельской жизни видимыхъ!!

И такъ дражайшіе мои родители я ночевала отъ васъ въ 26 верстахъ ! и вотъ уже другой день, какъ я съ вами разлалась! мнѣ все что - то еще грустно, но перемѣна мѣстъ меня развлекаетъ. — Только неизвѣстность меня беспокоитъ: не знаю, здоровы ли вы, веселы ли и спокойны? — вотъ что меня занимаетъ, простите — я иду изъ фаетона пить чай, а тутъ будутъ запрягать лошадей и, мы поѣдемъ, простите!

Хотьковъ 3 Іюня.

Мы остановились здѣсь обѣдать. Вотъ самое меланхолическое положеніе этого монастыря. Онъ стоитъ на горѣ, излучистая рѣка извивается у подошвы горы, рѣка не большая, но довольно украшаетъ монастырь, которой почти со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ. Мы напившись горячаго чаю пошли гулять. Ходили около рѣчки, струи ея прозрачны, и тихо бѣгутъ по желто-сыпучему песку, орошая своею влажностію, на пологихъ берегахъ растущія ароматныя травы и цветочки.

Гуляли также въ лѣсочкѣ, какая пріятная прохлада, какая свѣжесть воздуха! мнѣ кажется, какъ будто и дышу я свободнѣе! — Теперь нѣтъ ни ягодъ, не видали также и грибовъ, но любовались только рѣдкими видами, и свѣжестію воздуха. Я лежала на травѣ и пользовалась ея ароматическою влажностію. — И я этотъ коверъ ни на какую богатую постель не промѣняю!

Потомъ пошли мы въ церковь, отслужили панихиду родителямъ С. Сергія Радонежскаго. Эти два Угодника Божія почиваютъ въ небогатой ракѣ, такъ какъ и во всей церкви нѣтъ отмѣннаго украшенія. Побывъ нѣсколько въ монастырѣ, посмотрѣвъ болящихъ живущихъ тутъ же, отправились мы на свою квартиру.

Едва только успѣли мы войти, какъ горница наша наполнилась молодыми крылошанками, или такъ называемыми *бѣлицами*, съ ихъ работами: инач продаетъ шитые образа, другая ладоночки, та нитки, а та мячики и проч. и проч., приступаютъ, просятъ, даже навязываютъ чтобъ купить, и—по неотступной ихъ просбѣ, принуждены мы были набрать ихъ товаровъ, болѣе для того, чтобъ только купить.

Мнѣ удивительно, что такъ много здѣсь нищихъ! — не довольно здѣсь, но почти по всей дорогѣ!—я видѣла нѣсколько ребятъ порядочно очень одѣтыхъ—и, просящихъ милостыню! мнѣ это такъ странно кажется! я подозрѣваю, ужъ не привычка ли принуждаетъ ихъ скитаться по міру, а не нужда. . . .

Но вотъ истинно бѣдная, которая меня чувствительно тронула! представьте ея положеніе, въ какомъ мы ее видѣли! Вышедъ на крыльцо, чтобъ полюбоваться прелестнымъ мѣстомъ вдругъ слышу я, что съ кѣмъ-то мои товарищи разговариваютъ— я всматриваюсь и вижу женщину еще молодую, сидящую у монастырскихъ стѣнъ, въ великой задумчивости. На рукахъ держала она ребенка лѣтъ трехъ или четырехъ, которой страдалъ безпрерывнымъ кашлемъ, а по лѣвую сторону лежала на изорванномъ войлокѣ дѣвочка, лѣтъ десяти, больная лихорадкою. Вообразите любезные родители, жалостное ея состояніе! вообразите материнскую ея любовь къ своимъ дѣтямъ! видѣть ихъ въ такомъ состояніи и

не имѣть способа помочь имъ! — каково это! мнѣ такъ это жалко, такъ прискорбно видѣть подобныхъ себѣ страждущихъ, что я не имѣю силъ болѣе писать.

Но чувствительные, нѣжные товарищи, усладили горесть сей нещастной, сострадательными своимъ вниманіемъ: они дали ей денегъ и нѣсколько нужныхъ вещей для одежды. — Простите, слёзы каплютъ, и—я болѣе писать не могу.

Дубна 3 Іюня.

Дорога становится пустѣе, гористѣе — густые лѣса окружаютъ ее, и мы какъ будто по проспекту, хорошо обработанному ѣдемъ. Гордыя сосны, прямыя, высокія, стоятъ и не колеблются, и—кажется ничто не можетъ потревожить тишины между ими обитающей!

Изъ Хотькова монастыря мы пріѣхали въ Троицкую Лавру, гдѣ только для того остановились, чтобъ поклониться Св. мощамъ Сергія Чудотворца. Побывали также и у прочихъ мощей, были у Св. колодца; но всё спѣшили, чтобъ не опоздать и не потерять станціи; а на возвра-

иномъ пути можетъ быть мы опять здѣсь побываемъ, и я вамъ опишу подробнѣе, что увижу.

Отъ Троицы мы благополучно доѣхали до Дубны, деревни небольшой, но хорошо выстроенной. Надобно сказать, что здѣсь вообще все строеніе очень хорошо, и все однимъ манеромъ. Двѣ избы, между ими воротны, а надъ воротами свѣтёлка, такъ они называютъ лѣтнюю горницу, потому что она безъ печи.

Я удивлялась тому, что здѣсь почти во всякомъ дворѣ есть свѣтёлка, такая горница, которая для хозяевъ со всѣмъ неудобна; также и по суровости климата она только можетъ служить очень на короткое время года, то есть: на самое луч-

шее лѣтнее. И для этого строить лишнюю комнату! Это знакъ ихъ избыточества. Но мнѣ сказали, что помощію этихъ свѣчёлокъ они получаютъ большой барышъ: потому что проѣзжающіе богомольцы (я потому такъ ихъ называю, что проѣзжающихъ богомольцовъ въ Ростовъ гораздо болѣе, нежели другихъ какихъ путешественниковъ.) всегда останавливаются тамъ, гдѣ чистая горница и берутъ тутъ все принадлежащее для нихъ и для всего екипажа; а у прочихъ крестьянъ не имѣютъ уже права взять, кромѣ своего хозяина.

Что касается до чистоты дворовъ; то какъ вы можете себѣ представить они въ совершенствѣ: весь полъ усланъ накапникомъ, а

дворъ весь крытой, такъ сухо, такъ чисто, что любо и пріятно смотрѣть на ихъ устроенныя жилища! Вездѣ видишь изобиліе, довольство! И какъ сравнять это строеніе съ хижинами Украинскихъ нашихъ крестьянъ! они живутъ какъ кочующій народъ, не наслаждаются, мнѣ кажется, жизнію; потому что они не знаютъ всей ея пріятности. Живутъ въ грязи, въ нечистотѣ, жалко смотрѣть на ихъ жилище, сердце кровію обливается глядя на нихъ! ужасное уныніе терзаетъ мою душу, когда я проѣзжаю ихъ селенія. Ахъ! Боже мой, какое неустройство въ ихъ расположеніи дворовъ! какой безпорядокъ въ ихъ селеніяхъ: шумъ, пьянство, буйство только и слышишь!

Здѣсь мнѣ не нравится только то, что много комаровъ, которые очень мнѣ надоѣдаютъ, и безъ вуали почти не льзя обойтиться.— Простите, идемъ прогуливаться.

Переславль, 4 *Іюня*.

Дорога часъ отъ часу становится гористѣе. Дремучіе лѣса дѣлаютъ тѣнь непроницаемую, и глубокой песокъ очень затрудняетъ наше путешествіе.

Здѣшняя сторона мнѣ очень нравится; поселяне, кажется всѣ веселы, всѣ спокойны: вездѣ слышишь пѣсни, что означаетъ ихъ удовольствіе, и я полагаю, что здѣшніе жители умѣютъ веселиться. — Ну! насилу мы проѣхали Лиссавскія крутыя горы, съ коихъ виды чрезвычайные; только не безъ труда же мы чрезъ нихъ и перебираемся.

Не могу сказать, чтобъ попадались намъ опрѣнно выстроенныя деревни и очень рѣдко видишь барскіе домы; кромѣ одного села Глѣбовскаго, принадлежащаго Г. Макарову. Хорошій домъ, сады, оранжереи, мѣльницы, дѣлаютъ видъ очень привлекательной; а впрочемъ ни одного нѣтъ села, ни деревни достойныхъ примѣчанія, по крайней мѣрѣ моего, потому что я небольшая мастерица черпить мысленные ландшафты, и описывать то, чего я не нахожу.

Наконецъ показывается намъ Плещеево озеро. А! вотъ и Переславль! Какой видъ чрезвычайной! Вообразите себѣ: солнце яркое во всемъ полномъ сіяніи медлѣнно катилось по свѣтло-лазуревому небесному своду,

и яркими златовидными лучами ударяло въ зеркальное озеро, которое съ лѣвой стороны по берегу украшалось зеленѣющимся ельникомъ, а на правой возвышались главы Храмовъ въ Переславлѣ . . . но вотъ мы въѣхали уже въ городъ, и я должна оставить перо, чтобъ заняться видами.

Переславль въ 3 часа.

Напившись чаю, кофею, мы всѣ взяли свои шляпы, просили, и пошли гулять въ ожиданіи обѣда по городу.

Городъ не великъ, но видъ удивительно какъ великолѣпенъ. Многіе строенія каменнаго, много церквей, да къ тому жъ и озеро положеніемъ своимъ украшаетъ городъ.

Постоялые домы здѣсь чрезвычайные, такъ хорошо отдѣланы: всѣ подштукатурены и порядочно меблированы, только жаль, что эти бѣлыя стѣны всѣ карандашемъ из-

мараны. Всякой пишетъ, что онъ проѣхалъ такого-то числа, такого-то мѣсяца и года; то-то видѣлъ, то-то чувствовалъ; и много есть очень порядочныхъ, очень занимательныхъ стишковъ. Однакожъ много, очень много и вздору, прочтешь и пожалѣешь, что есть такіе праздно-любцы, которые драгоцѣнное время убиваютъ такими пустяками, время, которое бъ можно было употребить на лучшее и полезное.

Мы здѣсь погуляли, пообѣдали, отдохнули и теперь лошади готовы—и нашъ веселой Петръ хлѣбнувъ рюмки двѣ зеленаго винца очень веселъ, обѣщаетъ пѣть много пѣсенъ. Помахиваетъ кнутомъ, и видно очень доволенъ своимъ состояніемъ.... Щастливой человѣкъ! ! !

Деревня, логостъ.

Въ восемь часовъ вечера мы сюда пріѣхали; но очень перепревожены болѣзнію А. Ф., видно она попростудилась и обезпокоилась отъ дороги. Теперь чувствуетъ она озноб и жаръ, даже нѣсколько бредитъ. Удивительная меланхолія царствуетъ во всемъ нашемъ обществѣ, все тихо, все уныло; даже и мѣстоположеніе деревни сходно съ чувствованіемъ душъ нашихъ. Дай Богъ, чтобъ она завтра получила облегченіе. А то мы какъ стадо безъ пастыря теперь. — Простите, желаю вамъ спокойной ночи, я иду броситься въ объятія благодѣтель-

наго Морфея, можетъ быть подъ его магическимъ скипетромъ освѣжу я свои чувства, удрученныя тоскою и грустію. Бывши съ вами розно, а особливо сегоднишній день, мнѣ очень грустно—простите.

Петровскъ, 5 Іюня.

Нашей милой путеводительницѣ благодаря Бога есть гораздо лучше, и мы теперь всѣ по веселѣе и всѣ поободрились. Всѣ чрезвычайно ее любятъ, всѣ къ ней искренно привязаны. Ахъ Боже мой! какъ ее и не любить! Съ такимъ чувствомъ сердечнымъ, съ такою истинною добродѣтелію, съ такою кротостію, она заслуживаетъ всеобщее почтеніе и приверженность.

Теперь вамъ скажу о Петровскѣ. Это былъ прежде городъ, но въ царствованіе Государя Императора Павла I онъ уничтоженъ, и

строенія почти нѣтъ хорошаго, кромѣ одного Собора и двухъ каменныхъ домовъ, въ которыхъ прежде были Суды, а теперь стоятъ пустые. Постоялые домы прекрасные, и все, что вамъ угоднс, все здѣсь достать можно. Сегодня Воскресенье, и мы пріѣхали сюда, какъ только отошла обѣдня, жаль было, что мы опоздали.

Поселяне всѣ въ праздничныхъ кафтанахъ; а милыя поселянки всѣ такъ разряжены, всѣ въ нарядныхъ своихъ сарафанахъ, красныхъ, выложеныхъ по ихъ манеру пестрыми лентами. Всѣ такъ веселы, такъ спокойны, такъ просты; и прибавить надобно небольшое мое примѣчаніе, что въ здѣшней сторонѣ нѣтъ дурныхъ женщинъ: обо всѣхъ мож-

но сказать, что прекрасны, не знаю что-то есть въ ихъ лицахъ привлекательное, что-то такое отмѣнное отъ нашихъ крестьянокъ. Въ ихъ разговорахъ, въ ихъ обхожденіи я множество нахожу привлекательнаго, много пріятнаго! —

Отсюда до Ростова съ лишкомъ двадцать верстъ, и онъ съ высокихъ мѣстъ уже видѣнъ.

Дорогою отъ Петровска до Ростова.

Лѣса по нѣскольку отъ насъ удаляются, и дорога становится открытѣе и болотистѣе. Мосты чрезвычайно часты и озера во многихъ мѣстахъ мелькаютъ.

Мы теперь ѣдемъ. Я не смотря на тряскость пишу къ вамъ дражайшіе мои родители, и кой-какъ карандашемъ дѣлаю крюки, только не могу вытерпѣть, чтобъ не раздѣлить съ вами моего восхищенія, которое я ощущаю по мѣрѣ приближенія къ мѣстамъ, гдѣ опочиваютъ мощи столь великаго Чудо-

творца!—и мнѣ грустно, что васъ нѣтъ со мною.

Въ лѣвой сторонѣ великолѣпное озеро блистало въ пологихъ берегахъ своихъ и хребетъ синихъ волнъ позлащался отъ лучей яркаго солнца—въ синемъ туманѣ возвышался Іяковлевской монастырь.—Какъ мы очутились уже близъ города. Теперь я оставляю карандашъ, чтобъ насладиться зрѣніемъ прекрасныхъ видовъ. Простите, мысленно цѣлую ваши ручки—изъ Ростова писать буду.

Ростовъ 5е Іюня, въ вечеру.

Мы были у всенощной. Вошедши въ Церковь почувствуешь неизъяснимое благоговѣніе! а особливо взглянувъ на храмъ, на покоющіяся мощи Святаго Угодника, на блѣдныя лица монаховъ и на молящихся съ исполненными слезъ глазами, устремленными на раку Святителя Димитрія, требующихъ его святой помощи— все, все вливаетъ здѣсь въ душу священное чувство ко Всещедрому Творцу и наполняетъ ее страхомъ и благоговѣніемъ. — Величайшее благочестіе кажется царствуетъ въ этомъ братствѣ. Особливое обращаетъ на себя вниманіе монахъ стоящій при гробѣ, на-

зываемый Амфилохій. Какое постное лицо! какое Ангельское, можно сказать, жиwе! онъ изнуряетъ себя постомъ и молитвою, носитъ на себѣ вериги, кротокъ, терпѣливъ и отъ всѣхъ заслужилъ почтеніе и уваженіе! Даже и Архимандритъ *Мелхиседекъ* ни чего не предпринимаетъ безъ его совѣта!

Вышедши изъ церкви не много по гуляли по городу, были на озерѣ; но такъ какъ съ дороги поустали, то и возратились домой; а я въ ожиданіи ужина принялась къ вамъ писать.

Городъ не великъ, и нѣтъ никакихъ укрѣпленій; одна только большая улица, по которой есть хорошіе каменные домы, однакожъ всѣ по-

чти пустые. Удивительное малолюдство въ городѣ! только одни торгующіе, а впрочемъ ни кого нѣтъ. Строеніе же все неправильно, безъ плана, и безъ малѣйшаго вкуса. Но очень много церквей и монастырей, что украшаетъ и дѣлаетъ видъ очень хорошій всему городу вообще.

Простите милые и дражайшіе мои родители. Я далеко, далеко отъ васъ, велико пространство раздѣляетъ меня съ вами. Но образъ вашъ глубоко начертанъ въ сердцѣ моемъ и родительское благословеніе ваше предохраняетъ меня отъ всѣхъ золъ и неудовольствій; и я прошу Бога, чтобъ вы были здоровы— таковы суть обѣты мои ко Всещедрому Творцу міровъ!!

Ростовъ 6 *Іюня.*

Сегодня я была у заутрени. Служатъ чинно, не спѣшатъ — такъ тихо, такъ всё благоговѣйно! — жизнь монашеская, мнѣ кажется, есть лучшая на земли.

Монастырь довольно пространной, церковь огромная, а всего великолѣпнѣе рака Чудотворца Димитрія! Вся серебреная и отдѣлка превосходная. Тутъ есть еще мощи подъ-спудомъ Св. Іякова, во имя котораго и монастырь сей.

Были мы въ новой церкви, которая еще не совсѣмъ отдѣлана, но

имя Димитрія Чудотворца, иждивеніемъ Гр. Шереметьева. Тутъ видѣли покровъ на мощи Св. Угодника шитой въ Арзамасѣ, швомъ чрезвычайно рѣдкимъ. Показывали Дароносицу, присланную Строителемъ, вѣсомъ въ 1 пудъ 35 фунтовъ, работы чрезвычайной.

Ударили въ колоколъ и мы пошли къ поздней обѣдни. Благородныхъ богомольцевъ почти ни кого нѣтъ— чѣмъ меньше, тѣмъ лучше: меньше развлеченій.

Послѣ обѣда отдохнули: вставши въ необыкновенное время очень рано, что-то не хорошо себѣ чувствуешь, и голова болитъ. А потомъ пришло время итти къ вечернѣ. Въ другихъ монастырякъ

мы еще ни гдѣ не были, а завтра уже поѣдемъ—простите, я оставляю перо: идемъ на озеро удить рыбу — простите.

P. S. — Здѣсь, какъ вы знаете, продаютъ финифтянные образа и мы съ утра до вечера всегда бываемъ окружены этими разносчиками. —

7 е Іюня.

Послѣ ранней обѣдни Архимандритъ былъ у насъ. Человѣкъ кажется очень хорошій, очень веселый, и при томъ очень говорливой; но не могу сказать, чтобъ былъ ученой и знающій.

Отслушавъ позднюю обѣдню и отобѣдавъ поѣхали въ Соборъ. Объ немъ ничего не буду вамъ описывать, это точно Успенской Московской Соборъ.

Изъ Собора ѣздили еще въ монастырь, стоящій на берегу того же озера, гдѣ Іяковлевской монастырь.

Тутъ мощи С. Авраамія. На насъ на всѣхъ надѣвали шапочку, въ которой сей Угодникъ Божій прудился. Видѣли крестъ, которымъ *онъ* благословилъ Царя Іоанна Васильевича *Грознаго*, и съ которымъ сей побѣдилъ враговъ своихъ.

Потомъ поѣхали мы въ Петро-павловской монастырь, отстоящій отъ Ростова версты на три. Тутъ мощи Петра Царевича (*). Онъ оставилъ пышной тронъ, великолѣпную Столицу, и все, что мило, близко было къ сердцу, всѣ оставилъ и

(*) Сына Ордынскаго Царя Беркая, который услышавъ проповѣданіе Христіанское отъ Архіепископа Кириллы, удалился съ нимъ въ Ростовъ, гдѣ принялъ святое крещеніе и въ глубокой старости преселился въ вѣчную обитель въ 1253 году.

удалился въ Ростовъ, гдѣ и основалъ монастырь во имя Петра и Павла—братство не многочисленно, монастырь не богатъ и украшеній ни малѣйшихъ нѣтъ.

Монахи чрезвычайно гостепріимны; предложили намъ отдохнуть подъ сѣнію вѣтвистыхъ липъ, и тотчасъ принесли намъ свѣжей воды, чтобъ утолить чувствуемую нами жажду.

Я ходя между камнями, покрывающими прахи подобныхъ мнѣ, не могла равнодушно смотрѣть на эти печальные монументы бытія человѣческаго. Мысль печальная о тлѣнности всего подлуннаго, такъ возмутила душу мою, что слёзы градомъ покатились изъ глазъ моихъ,

и—я была очень довольна когда сказали мнѣ, пора ѣхать.

Во весь день я чувствовала глубокое уныніе, и чтобъ разсѣять грусть мою, що пошла погулять, въ послѣдній разъ на озеро. Мы завтра собираемся отсюда ѣхать, и такъ я хотѣла еще разъ, полюбоваться прекрасными Росповскими видами.

Я сѣла на мшистой камен, и взоры устремились на синія волны, разбивающіяся у ногъ моихъ. Вѣтеръ былъ сил ной, свирѣпое озеро ужасно колебалось, сѣдыя облака затемняли ясное красное солнце, и тамъ, вдали, въ синемъ шуманѣ, какъ будто въ мѣлкомъ дождѣ, бѣлѣлись колокольни Храмовъ въ славномъ *По-*

рѣчкѣ за озеромъ, и въ другихъ селеніяхъ, которыхъ я названія забыла.

Я все еще сидѣла, и—печальные виды какъ будто усыпляли мои чувства. Я глядѣла на уединенныя стѣны Яковлевскаго монастыря, и—невольной вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей, слеза навернулась на глазахъ моихъ—здѣсь думала я, здѣсь, въ высокихъ башняхъ, за этою огромною стѣною, обитаютъ смертные отказавшись отъ свѣта на вѣки. Признавъ всѣ мірскія суеты за тщетныя удовольствія, которыми мы единымъ мигомъ наслаждаемся, избрали они жизнь гораздо лучшую, жизнь гораздо щастливѣйшую, которая ихъ не страшитъ приближеніемъ конца міра, и они съ тихостію ожидаютъ

перенесенія душъ въ селенія небесныя.

Шорохъ прервалъ мои размышленія. Я взглянула и увидѣла человѣка въ синемъ изорванномъ кафтанѣ, съ нахлученною на глаза шляпою, въ великой задумчивости проходящаго мимо меня. Видъ его показывалъ человѣка съ разстроеннымъ разсудкомъ, онъ часто вздыхалъ,— поднималъ глаза къ небу—останавливался, глядѣлъ печально на озеро, на монастырь, садился на камни лежащіе на берегу, и, казался быть въ великомъ разсѣяніи.

Я глядѣла въ слѣдъ за нимъ, и сердце мое кровію обливалось. Я глядѣла и не примѣчала, что я одна была на берегу, одна съ своею грус-

пію, которая перзала мою душу. Время было пасмурно, вѣтеръ сильный, воздухъ очень холоденъ, все это понудило моихъ товарищей поспѣшить на квартиру: и такъ ежели бъ они меня не встрѣтили и не прислали за мною, то бы я пробыла тутъ очень, очень долго — Нѣтъ лучше мѣста, какъ берегъ Росшовскаго озера, чтобъ питать меланхолію!

Я возратилась на квартиру къ своимъ товарищамъ, которые заняты были съ кѣмъ-то разговорами. Проходя мимо ихъ комнаты, въ которой они были, поражена я была удивленіемъ отъ философическихъ разсужденій незнакомца. Смотрю въ малое отверстіе двери и узнаю въ немъ того человѣка, котораго я

видѣла на озерѣ. Любопытство мое болѣе удвоилось, и я узнала: что онъ крестьянинъ изъ *Порѣчья*, принадлежащій Графу Орлову, имѣлъ величавшій портъ хлѣбомъ и разными другими товарами, имѣлъ важныя коммерческія дѣла съ иностранными державами, человѣкъ съ свѣденіями, съ природнымъ разумомъ, съ щастливою памятію — кажется чегожъ болѣе не доставало? Но нѣтъ, видно судьбѣ не угодно было сдѣлать его щастливымъ. Не знаю какимъ-то случаемъ потерялъ онъ большую часть своего имѣнія, чрезъ что состояніе его разстроилося до такой крайности, что онъ долженъ былъ объявить себя банкротомъ. Да къ тому жъ видно и было и семейственнаго спокойствія; обстоятельнѣе узнать было не можно:

потому что эта матерія чрезвычайно сильно дѣйствуетъ надъ его сердцемъ и приводитъ его разсудокъ въ помѣшательство. Сострадательные мои товарищи сдѣлали ему нѣкоторую помощь: они старались излить бальзамъ утѣшенія на разстроенную его душу. Но все было тщетно, бытіе его такъ разстроено, что ничто не можетъ привести его въ здравой разсудокъ. По крайней мѣрѣ видно было изъ лица его удовольствіе нашедши такихъ людей, которые приняли въ немъ истинное участіе. Онъ только и мечтаетъ въ помѣшанномъ умѣ своемъ о прошедшемъ состояніи; пишетъ письма къ тѣмъ, которые уже давно переселились въ селенія небесныя; всякаго встрѣчающагося проситъ доставить по

надписи, и всегда съ собою носитъ множество пакетовъ приготовленныхъ, изъ которыхъ нѣсколько писемъ взяли и наши товарищи, чтобъ доставить въ Москву по вѣрнѣе!

Я просила Всевышняго Творца, просила его съ сердечнымъ сокрушеніемъ, чтобъ этаго страдальца успокоилъ въ лонѣ небесномъ, и ниспославъ бы миръ и тишину въ душу его! — Поравнявшися со мною, приподнялъ онъ шляпу свою, поглядѣлъ на меня и — пошелъ тихимъ шагомъ къ монастырю. Я вынула платокъ, обтерла слезу чувствительности и, пошла къ моимъ товарищамъ, которые до крайности были разпрогаиы нещастнымъ положеніемъ его разума, а нѣкоторые даже плакали.... Эти слезы озна-

чаютъ человѣка чувствительнаго, нѣжнаго: слезы проливаемыя надъ нещастнымъ заслуживаютъ небесную награду ! !

Любимово, 8 Іюня.

Мы изъ Ростова поѣхали послѣ ранней обѣдни, и пріѣхали сюда обѣдать. Вся наша компанія напившись кофе пошла гулять; а я употребила это время, чтобъ къ вамъ любезные мои родители, написать слова два три еще объ Ростовѣ.

Мнѣ онъ такъ полюбился, что я была бъ въ состояніи еще пробыть въ немъ нѣсколько дней. Я не знаю въ Ростовѣ есть что-то такое тихое, меланхолическое, но не скучное; мнѣ кажется это такое мѣсто, гдѣ скорѣе можно почувствовать всю важность религіи и найти утѣшеніе въ горести.

Въ первомъ движенїи души моей я желала, чтобъ всѣ нещастные, обремененные горестїю, пріѣзжали сюда, гдѣ вѣрно обрѣтутъ утѣшеніе; и бремя тягости облегчитъ ихъ сердце!—

Я оставляю писать свой листокъ: вижу всѣхъ своихъ у воротъ двора одного крестьянина стоящихъ. Тамъ сельскія дѣвушки собравшися въ круговеньку, сидя за *куделями* поютъ пѣсни и веселятся, а мои товарищи на нихъ глядя любуются-- простите, и я къ нимъ иду, чтобъ посмотрѣть и полюбоваться на милую деревенскую простоту.

Между тѣмъ въ ожиданїи, скоро васъ мои дражайшіе родители, прижать къ моему трепещущему сердцу: цѣлую ваши ручки.—

P. S. — При въѣздѣ въ Любимово, насъ здѣсь окружили поселянки съ ягодами. И такъ мы здѣсь въ первой еще разъ пользовались плодами благодѣтельной Природы, т. е. спѣлою земляникою.

Переславль, 9 *Іюня*.

Вчера мы опоздали и пріѣхали сюда уже въ 12 часовъ ночи, потому что мы заѣзжали еще въ одинъ монастырь.

Не доѣзжая до города версты три, или четыре, есть часовня, въ которой обитаетъ старецъ обремененный лѣтами, что доказывало сѣдинами покрытое его чело. Услышавъ стукъ нашихъ каретъ и свистъ ямщиковъ, онъ приближился колеблющимися стопами къ тому мѣсту, гдѣ надобно было намъ проѣзжать, и трепещущимъ отъ слабости голосомъ, умолялъ о пе-

даяніи милостыни въ обитель Никипы Столпника, показывая намъ узенькую проселочную тропинку, по которой мы и поворотили.

Вы знаете любезные родители характеръ и душу, друга и благодѣтельницы нашей. Она всегда ищетъ случая и радуется когда имѣетъ способъ помочь бѣдному, утѣшить печальнаго—это суть главныя черты ея рѣдкаго характера.

И такъ мы пріѣхали къ монастырскимъ воротамъ. Дремлющій сторожъ зазвѣнѣлъ мѣднымъ кольцомъ, и калитка съ шумомъ отворилась. Мы взошли на пространной дворъ, обнесенной высокою каменною стѣною, обросшею мохомъ. Весь дворъ заросъ крапивою и полынью,

ми гдѣ не видно было слѣдовъ человѣческихъ, только въ иныхъ мѣстахъ возвышались надгробныя камни, покоющихся праховъ въ семъ уединеніи. Пернатыя малютки, услыша шорохъ нашихъ ногъ взвивались съ уединенныхъ гнездъ своихъ высоко по лазурному эѳиру, и громкимъ щебетаніемъ своимъ наполняли воздухъ.

Мы взошли на высокую каменную лестницу и большими переходами пришли къ желѣзной двери. Одинъ изъ нашихъ товарищей съ великимъ трудомъ отворилъ ее, и пройдя нѣсколько ступеней въ низъ, мы очутились въ пространной залѣ. Мракъ и глубокая тишина царствующая во всемъ зданіи, наводили на насъ какой-то трепетъ, смѣшанной съ любопытствомъ.

При всякомъ шорохѣ, производимомъ нашими путешественниками, мы ожидали увидѣть что нибудь необыкновенное. Свистъ вѣтра, раздававшагося въ семъ пустомъ зданіи устрашалъ насъ. *Радклифъ* такъ напугала насъ своими романами, и столь наполнила наше воображеніе странными своими приключеніями, что намъ казалось уже не въ Удольфскомъ ли мы какомъ замкѣ находимся, и не случилось бы съ нами чего нибудь такого, чтобъ могло насъ напугать. Всякая вещь казалась намъ что-то странною, необыкновенною-- это было дѣйствіе воображенія.

По нѣкоторомъ времени, какъ мы старались осматривать все то зданіе, гдѣ только можно было намъ проходить, потому что много две-

рей находили мы запертыми, мы чрезвычайно удивлялись, что никто намъ не попадался на встрѣчу; и, уже собирались итти на задъ, чтобъ сыскать другой входъ въ монастырь, какъ увидѣли двухъ монаховъ, которые съ удивленіемъ спрашивали, какъ мы сюда зашли? Мы сказали, что богомольцы и желаемъ поклониться Св. мощамъ, почивающимъ въ семъ монастырѣ. Онъ тотчасъ отперъ одну дверь и многими темными коридорами привелъ насъ въ церковь.

Жизнь Никиты Столпника довольно доказываетъ благость Создателя нашего, которой всячески промышляетъ всѣхъ обратить на путь истинный, и доставить всякому желающему жизнь блаженную, вѣчную.

Сей преподобный Никита Столпникъ былъ прежде въ Переславлѣ въ какой то должности, гдѣ пріобрѣталъ себѣ богатство всякими непозволительными способами. Даже притеснялъ невинныхъ, для того только, что они не имѣли столько денегъ, чтобъ дать ему.

Въ одно время онъ съ друзьями своими сидя за столомъ пилъ и веселился, какъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ разскаяніе; привелъ себѣ на память все время развратной своей жизни и сколько людей невинныхъ было жертвою его мздоимству; воображеніе его до такой крайности воспламенилось, что уже ему и въ кушаньяхъ мечтались члены человѣческіе.—Онъ ужаснулся при воззрѣніи на самаго себя,

въ какомъ забвеніи онъ жизнь свою проводитъ, и въ какую пропасть буйственные пороки едва его не погубили.

Лишь только вышелъ изъ за-стола; (ибо за столомъ боялся онъ открыть гостямъ свои чувствованія, чтобъ не подпасть язвительнымъ ихъ насмѣшкамъ) то тотчасъ не сказавъ никому ни слова удалился онъ въ этотъ монастырь. Здѣсь пришедши къ настоятелю просилъ, чтобъ его постригли, или позволили остаться жить въ монастырѣ—на что Настоятель и согласился. Онъ поставилъ столпъ близь монастыря, въ которомъ едва только можно было помѣститься, и основалъ въ немъ свое жительство. Носилъ преужасной ве-

личины вериги, еще цѣпь, длинную такъ, какъ былъ далекъ столпъ отъ церкви, отъ чего и назвали его Никиша Столпникъ. А въ остальное время отъ молитвъ онъ трудился, рылъ колодезь и всѣмъ сказывалъ свои прегрѣшенія.

По нѣсколькихъ лѣтахъ его трудовъ и раскаянія всѣ его уже почитали праведнымъ; а онъ болѣе и болѣе укрѣплялся въ своей вѣрѣ, которая облегчала его въ необычайныхъ трудахъ, постѣ и молитвѣ.

Въ одно время шайка какихъ-то разбойниковъ увидѣвъ его шедшаго въ церковь, соблазнилась желѣзною цѣпью его, почти ее при свѣтѣ солнечныхъ лучей, ярко на нее ударявшихъ, серебреною, стоющею

дорогой цѣны. Сіи безумцы рѣшились ночью лишить его жизни.— И такъ, этотъ страдалецъ въ свою очередь сдѣлался и самъ жертвою *сребролюбія* для другихъ.

Но послѣдняя жизнь его и чистое раскаяніе заслужили отъ праведнаго Судіи жизнь вѣчную, награду дѣлъ добрыхъ; и благость Божія столь велика для всѣхъ смертныхъ, чтобъ обратить всѣхъ невѣрующихъ къ себѣ (ежели только есть они), что она допустила явиться мощамъ сего мученика, дабы и каждой могъ надѣяться по совершеномъ раскаяніи быть, угоднымъ Богу, человѣкомъ! ! !

Мы долго очень ходили по всѣмъ мѣстамъ монастыря и такъ промѣшкали, что уже поздно, очень поздно пріѣхали въ Переславль.

Сегодня вставши очень рано, я это все, къ вамъ любезные мои родители, написала. А такъ какъ еще мои товарищи всѣ наслаждаются покойнымъ сномъ, послѣ вчерашнихъ трудовъ; то я читала на бѣлыхъ здѣсь стѣнахъ розныя сочиненія, и которыя болѣе мнѣ показались, тѣ я вамъ и сообщаю — вотъ они:

Qui va dans ces lieux
Doit prier bon Dieu.

Эта мнѣ очень показалось справедливою.

La vie n'est point un bien
Pour celui qui souffre.

Mon destin n'est pas d'être heureux
Mais mon cœur merité d'être.

Я собираю свои бумаги и карандашь, всѣ суетятся, чтобъ ѣхать въ Даниловъ монастырь, боятся опоздать. Лошади готовы, простите.

Василево, 9 Іюня.

Даниловъ монастырь стоитъ на высокой горѣ, съ одной стороны рѣка, а съ другой непроходимой лѣсъ, что чрезвычайно его укрѣпляетъ и дѣлаетъ неприступнымъ.

Мы съ трудомъ могли подъѣхать къ монастырскимъ воротамъ; тяжелыя вереи на заржавѣлыхъ петляхъ заскрипѣли — и мы взошли на монастырь.

Чрезвычайно мы были поражены пріятнымъ пѣніемъ, раздававшимся по всему зданію. Мы удвоили шаги свои и, очутились въ церкви.

Огромность зданія и многолюд-

ство, которое проспиралось человѣкъ до пяти сотъ, меня чрезвычайно удивило, и мы полюбопытствовали узнать, что это были за люди? „Это все Семинаристы тутъ учащіеся“ отвѣчалъ намъ сѣдой монахъ, которой съ грубостію толкалъ ихъ, чтобъ скорѣе проходили, и бѣдные малютки спотыкались, падали, другъ друга давили, всѣ спѣшили, чтобъ избавиться побой грубаго своего надзирателя.

Монастырь не богатъ, нѣтъ никакихъ украшеній, нигдѣ не блеститъ ни золото, ни серебро. И судя по ихъ удивленнымъ взорамъ, устремленнымъ на насъ, мнѣ кажется, что не часто ихъ посѣщаютъ проѣзжающіе богомольцы.

Едва мы только остановились на квартирѣ, какъ окружили насъ маленькія дѣвочки, которыя всѣ въ одинъ голосъ кричали: „барыня, барыня дай булавочекъ.“ — Мнѣ это чрезвычайно полюбилось, да при томъ и странно довольно показалось. Мы хотѣли имъ бросить нѣсколько копѣекъ; но они денегъ не брали, а все паки просили булавочекъ. И такъ принуждены мы были удовлетворить ихъ желанію, чтобъ отъ нихъ отвязаться.

Всѣ здѣсь чрезвычайно рукодѣльны, даже и малютки всѣ ходятъ по улицѣ съ работами: либо плетутъ пересмочки, или волосяныя колечки, которыя и я у нихъ выучилась дѣлать.

Сватовка, 10е Іюня поутру.

Вчера я къ вамъ ничего не успѣла написать: мы очень опоздали и уже очень темно было, какъ пріѣхали въ эту деревню. Мы всѣ очень устали. Вотъ уже десятой день, какъ мы безпрестанно ѣдемъ, а вчерашняя станція особливо для всѣхъ насъ была тягостнѣе. Ночь настигла, но мы были окружены еще лѣсами, вездѣ царствовало глубокое молчаніе, только одни мы странствовали; тишина ночи насъ болѣе устрашала, кроткое ночное свѣтило скрывалось за тѣнію дремучихъ лѣсовъ, не видно было трудолюбивыхъ земледѣльцовъ: они всѣ наслаждались въ хижинахъ своихъ по-

койнымъ кротким̀ъ сномъ, по трудахъ своихъ. Только одни рѣзвые зайцы перебѣгали изъ за-кустовъ, и слышенъ былъ крикъ совы ночной птицы. — Мы всѣ сидя въ фаэтонѣ, молчали: признаться надобно, что этотъ меланхолической видъ очень сильно дѣйствовалъ надъ нашими сердцами, и мы всѣ были погружены въ величайшую задумчивость.

Но вдругъ мы были приведены въ себя крикомъ нашего Петра, который сказалъ, что видитъ волковъ!— Вы повѣрите, что это насъ крайне испугало! —Они однакожъ увидя наше приближеніе и услышавъ свистъ людей, бросились въ лѣсъ: такимъ образомъ мы безвредно доѣхали до квартиры, гдѣ и расположились ночевать.

Троица, 10е *Іюня*.

Вся наша компанія разошлася: иные пошли гулять въ ряды, гдѣ продаютъ игрушки; Аграфена Ѳедоровна легла отдохнуть, сестра сидитъ на балконѣ и читаетъ книгу; милая, рѣзвая Лёлинька вокругъ насъ прыгаетъ съ своими игрушками, а я съ любезнымъ своимъ другомъ Кап. Михайл. принялись за карандаши, чтобъ писать къ вамъ.

Мы сегодня были въ монастырѣ слушали обѣдню, а въ остальное время погуляли по прекраснымъ его мѣстоположеніямъ.

Что касается до украшенія, то

здѣсь гораздо великолѣпнѣе, гораздо богатѣе: вездѣ блеститъ золото, вездѣ изобиліе; но - нѣтъ того тихаго благоговѣнія, той кротости въ братствѣ, которыя обитаютъ въ стѣнахъ Яковлевскаго монастыря; нѣтъ той сострадательности къ бѣднымъ, которые тѣмъ же пламенемъ горятъ къ Богу, какъ и богатые, но неимѣвши столько денегъ, чтобъ заплатить за служеніе съ избыточествомъ, лишены бываютъ часто, очень часто удовольствія, чтобъ принести Богу жертву благодарности за всѣ щедроты низпосылаемыя.

Видѣла монументъ воздвигнутый Преосвященнымъ Платономъ въ память важныхъ дѣлъ произшедшихъ въ Троицкой Лаврѣ.

Также мнѣ примѣчательною показалась здѣшняя колокольня, въ которой 36 саженъ вышины.

Потомъ были мы въ рядахъ. Чрезвычайно странно мнѣ показалось видѣть цѣлыя лавки, наполненныя ни чѣмъ больше, какъ только игрушками всякаго сорту: каменными, деревянными, ларчиками, коробочками и тому подобными бездѣлицами. И кто здѣсь побываетъ, то уже почти за непремѣнной долгъ считаетъ накупить этихъ мѣлочей.

И такъ любезные и почтенные мои родители, еще день, два — и я прижму васъ къ моему сердцу, и я буду въ вашихъ родительскихъ объятіяхъ! — съ нетерпѣніемъ ожидаю я этой для меня щастливой мину-

мы . . . тяжело, о! очень тяжело быть съ тѣми розно, кто милы, близки сердцу!—простите, я иду ко всеночной, а оттуда прямо и поѣдемъ въ путь—простите. Пріятная надежда васъ скоро видѣть сопутствуетъ мнѣ.

Талицы, 10е *въ вечеру.*

Пріѣхали мы въ Талицы, и думали стоять въ обыкновенной крестьянской свѣтлицѣ; но каково жъ было наше удивленіе, нашедши прекрасный домъ, комнатъ въ пятнадцать!—и какъ бы вы думали, этотъ домъ выстроилъ крестьянинъ для проѣзжающихъ!

Напившись чаю, поужинавъ, всѣ разошлися по своимъ комнатамъ; а я съ Катер. Михайл. сѣли подъ окошко и любовались прекраснымъ тихимъ вечеромъ и картиннымъ видомъ мѣстоположенія.

Быстрой, излучистой ручей протекалъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего окошка и орошалъ влагою своею, на берегахъ его растущія травы. Луна, кроткая спутница ночи, какъ будто въ зеркалѣ любовалась красотою своею въ кристаловидныхъ струяхъ его.

На берегу разложенной огонёкъ, колеблемой зефиромъ, раздувался и розовымъ пламенемъ освѣщалъ людей вокругъ его ходящихъ, и отдыхающихъ на зеленой муравѣ; близъ

ручья видно было нѣкоторое строеніе, а за рѣкою большой лѣсъ, которой былъ весь освѣщенъ послѣдними лучами заходящей луны.

Мы долго, очень долго въ молчаніи смотрѣли, облокотясь на окошко, смотрѣли на прекрасной видъ, которой я не въ состояніи вамъ такъ описать, какъ онъ намъ восхитительенъ казался. И можетъ быть мы еще долѣе просидѣли, ежели бъ, луна кроткое свѣтило ночи, не скрылась за лѣса, за горы—огонекъ изчезъ, и только уже одни курились уголёчки.

Мракъ и тишина царствующая въ природѣ наполнили душу нашу какимъ-то меланхолическимъ чувствомъ, и напомнили о скоротечности времени и о перемѣнѣ щастія—вотъ! лишь теперь мы любовались

прекраснымъ вечеромъ! любовались розовымъ огонькомъ!..но пролетѣло нѣсколько часовъ, и, всё перемѣнилось, все изчезло и покрылось непроницаемымъ мракомъ ночи . . . которая однакожъ и надъ нами сильно, очень сильно дѣйствуетъ, и я не смѣю ей противиться, закрываю окно, и иду броситься на постель.—Простите, желаю вамъ спокойной ночи, проспите.

Мытищи 11 *Іюня.*

Вотъ эта послѣдняя станція до васъ мои любезные и дражайшіе родители! Я не могу скрыть моего восхищенія при приближеніи къ мѣстамъ, гдѣ обитаетъ все то, что

мнѣ есть наидрагоцѣннѣйшаго на свѣтѣ—я такъ нетерпѣлива, и такъ спѣшу, что мнѣ все кажется мѣшкаютъ, хотя мои товарищи также торопятся кончить до Праздника свое путешествіе. - Но можетъ ли ихъ желаніе сравняться съ моимъ? Они всѣ вмѣстѣ, они найдутъ въ Москвѣ друзей только своихъ. . . . А я, я обниму моихъ родителей, творцовъ бытія моего! и, обниму братьевъ, милую сестру!—какъ они будутъ мнѣ рады, какъ весело будетъ, когда мы соединимся! — О! узы родства, драгоцѣнные узы! вы только, вы можете привязывать смертнаго къ міру сему, вы дѣлаете жизнь пріятною, вы согрѣваете чувство! . . — безъ родныхъ, безъ друзей милыхъ, что можетъ привязывать къ жизни: и вся вселенная казалась бы пустынею! !

Чтобъ сократить время, я пошла на колодезь. Сторожъ отперъ мнѣ каменную палатку, надъ колодеземъ сдѣланную. Я умылась свѣжею водою, полюбовалась чистотою наблюдаемою Смотрителями, дала нѣсколько грошей сторожу, и пошла погулять по водоводу, обсаженному въ два ряда березками. Тутъ множество богомольцевъ отдыхали подъ тѣнію деревъ; между прочими была крестьянка и съ нашей стороны. Мнѣ всѣхъ пріятно видѣть кто съ нашей милой сторонушки. Я сѣла съ ними на лужку, и распрашивала объ ихъ сторонѣ; мнѣ пріятно было слышать ихъ простые разговоры.

Потомъ я соединилась съ своими товарищами, вмѣстѣ погуляли, и возвратились на квартиру, гдѣ насъ ожидала земляника съ сливками.

Но вотъ уже веселой нашъ Петръ ведетъ лошадей запрягать, и съ обыкновенными своими шутками, которыми во всю дорогу забавлялъ насъ, проситъ на водку, чтобъ скорѣе и веселѣе довесть въ Москву.

Я прибираю свой карандашь, беру трость и шляпу, и иду заранѣе въ фаетонъ, все кажется будетъ поскорѣе, какъ заберусь поранѣе.

****

Дорогою къ Москвѣ.

Мы ѣдемъ—и все на встрѣчу попадающееся, все что-то очень пріятно, все весело!— я думаю смѣшно глядѣть на меня—я готова со всѣми смѣяться — мнѣ такъ весело — и сердце мое такъ трепещетъ, такъ

бьется отъ ожидаемаго удовольствія... видѣть васъ, обнять васъ, мои дражайшіе родители, и быть вмѣстѣ съ вами, чего я нетерпѣливо ожидаю ! !

Въ правой сторонѣ близь большой дороги есть селеніе Раево. Домъ съ двумя башнями, строеніе хотя и непримѣчательно; но роща сосновая, кудрявая роща, всякаго путешественника кажется призываетъ къ себѣ подъ тѣнь, и ежелибъ не сильной дождь, которой безпрестанно насъ поливаетъ, то бы я непремѣнно погуляла въ этой священной рощѣ и насладилась бы ея ароматическою влажностію.

Вотъ уже показывается бѣлокаменна Москва, покрытая свѣтлоголубымъ брюмомъ! Золотыя главы церквей блестятъ отъ солнечныхъ

яркихъ лучей,—и гордая Москва рѣка тихо волнуется въ крутыхъ своихъ берегахъ, обильно украшенныхъ высокими каменными домами.

Опять я вижу мѣста любезныя, мѣста пріятныя! Опять я васъ вижу! — и вы мнѣ доставите удовольствіе—удовольствіе ни съ чѣмъ несравненное, чтобъ находиться въ объятіяхъ своего милаго, любезнаго семейства!!

Вотъ застава! и—мы въѣхали въ городъ. Я оканчиваю свои записки, надеясь чрезъ нѣсколько минутъ быть со всѣми моими родными и ближними друзьями. — Щастливая минута.!!